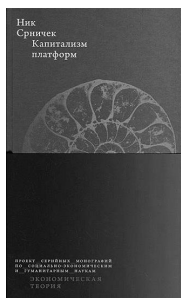

Как акселерационизм превратился в платформенный капитализм

Ник Срничек. Капитализм платформ / Пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. — 128 с.

В 2019 ГОДУ в Издательском доме Высшей школы экономики вышла книга «Капитализм платформ» Ника Срничека — знаменитого канадского и британского экономиста и социального теоретика, имя которого, кстати, уже появлялось на страницах журнала «Логос»¹. В работе «Капитализм платформ», написанной в 2016 году, Срничек исследует новый тренд в цифровой экономике, дает подробное описание исторических причин создания «платформ» и размышляет о будущем этой формы современного капитализма. Однако это не первая книга автора, ставшая интеллектуальным хитом: Срничек прошел достаточно долгий и плодотворный путь, прежде чем написать данное исследование, практически лишенное политических лозунгов. Я бы хотел сосредоточиться именно на идейной и профессиональной эволюции Ника Срничека, потому что, скажу сразу, «Капитализм платформ» сильно отличается от предшествующих текстов автора, и для нас, читателей, особенно интересен «исследовательский поворот» в его творчестве.

В 2012 году во французском городе Треньяк он выступил на конференции, посвященной связям между современным искусством и философией, с докладом «Навигация по неолиберализму:

1. См.: Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 7–20; «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». Интервью с Ником Шрничеком // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 87–102.

политическая эстетика в эпоху кризиса»². Основной тезис выступления заключался в том, что нам, современным социальным субъектам, необходимо расширить возможности нашего воображения посредством новых технологий, чтобы понять и описать неолиберальную экономику. Именно этот тезис, на мой взгляд, определил исследовательский вектор Срничека на ближайшие годы. Для создания такого рода описаний он предлагал использовать концепцию «когнитивных карт» Фредрика Джеймисона³, представленную им на марксистской конференции в 1983 году и опубликованную в 1987 году. В эссе, главным предметом которого стало «когнитивное картографирование», Джеймисон описывает этот тип интеллектуальной деятельности как синтез идей американского теоретика архитектуры Кевина Линча и французского философа-марксиста Луи Альтюссера.

Линч предполагает, что отчуждение, характерное для жителей города, зачастую связано с отсутствием запоминающихся и выделяющихся объектов в городских видах, и «картографирование» в качестве возможности ориентироваться и удерживать в голове целостный образ города происходит успешнее при наличии уникальных архитектурных объектов, пространств, очевидной структуры и границ поселения. Используя эту идею, Джеймисон идет дальше и предлагает экстраполировать пространственный анализ на социальные, экономические и исторические структуры⁴. Очевидно, что современный капитал, в отличие от городских пространств, невозможно описать лишь в эмпирических категориях. Следовательно, утверждает Джеймисон, нам необходимо не только анализировать реальность, но и пытаться описать тотальность капитала как воображаемое или как альтюссеровскую «отсутствующую причину» через эстетику и анализ формобразов, например постмодернистской самореференциальности в кино и видео. Необходимо уточнить, что и Джеймисон, и Срничек — левые мыслители (правда, разных поколений) и когнитивные карты — жизненно необходимый им инструмент описания капитала, потому что в дальнейшем это должно позволить создать адекватную левую альтернативу как план конкретных действий.

2. См.: *Срничек Н.* Навигация по неолиберализму: политическая эстетика в эпоху кризиса // *Художественный журнал*. 2016. № 99. С. 90–103.

3. См. *Джеймисон Ф.* Когнитивная картография // Он же. *Марксизм и интерпретация культуры*. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014. С. 335–349.

4. Там же. С. 343–344.

Как один из ведущих исследователей постмодернизма, Джеймисон неоднократно указывал на то, что культура неотделима от экономики⁵. Однако если для него первостепенным является именно поиск, анализ и трактовка медиумов, свойственных текущей культурной, а следовательно, и экономической логике⁶, то Срничек после описания и предложения использовать джеймисоновскую теорию картографирования делает характерный для своего «раннего» творчества ход и начинает изобретать варианты будущего. Срничек отлично понимает, какую роль могут сыграть и уже играют новые технологии в современной культуре. Однако если, скажем, британский литературовед и культуролог Алан Кирби в своей книге «Диджимодернизм. Как новые технологии упраздняют постмодерн и переопределяют нашу культуру», опираясь на очевидное влияние новых технологий, хотя бы пытается проанализировать современные культурные особенности и продукты и концептуализировать текущее состояние культуры и общества, характеризуемое, например, постоянным созданием цифрового «текста»⁷, то Срничек предлагает концепцию «эстетики интерфейсов» и размышляет, какие художественные и технические особенности она *будет* иметь и как ловко с ее помощью получится описывать большие массивы данных и информации, свойственные современной высокотехнологичной экономике. Таким образом, абсолютно необходимый анализ текущего культурного состояния исключается; это свойственно всем дальнейшим работам Срничека. Он создает свой вариант «когнитивной картографии», представляющий собой социальный и экономический анализ, лишенный культурной рефлексии. Именно такое своеобразное использование джеймисоновской теории и составит методологическую основу дальнейших научных изысканий Срничека. Все эти размышления относительно теории и анализ настоящего требуются ему только как платформа для прыжка в будущее, пусть даже и неустойчивая ввиду своей «неполноценности».

Эта методология четко прорисовывается уже на первом этапе публичной интеллектуальной карьеры, который был ознаменован Манифестом акселерационистской политики, написанным Срничеком совместно с социальным теоретиком Алексом Уильямсом.

5. См.: *Он же*. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.

6. *Афанасов Н. Б.* В поисках утраченной современности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 235–236.

7. См.: *Kirby A.* Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. L.: Continuum. 2009.

Эта работа принесла им широкую известность; сами авторы ведут генеалогию термина от философа Бенджамина Нойса⁸, который, в свою очередь, понимает под «классическим акселерационизмом» экспериментальную киберпанковскую и правую (а вовсе не левую) экономическую и социальную концепцию британского философа Ника Ланда⁹. Ник Срничек и Алекс Уильямс смогли превратить идею Ланда в прорывной манифест современного левого движения, указав на пороки неолиберализма, раскритиковав многих левых за уход в глухую оборону и отсутствие работы по созданию политико-идеологического мировоззрения, которое соответствовало бы времени. Тем самым они подготовили почву для возрождения давно угасшей революционной рефлексии¹⁰. Сама идея акселерационизма заключается в том, чтобы, используя материальную платформу неолиберализма, целиком реализовать потенциал технологического прогресса, сдерживаемого рамками капитализма¹¹. Через манифест красной нитью проходит требование создания все той же «когнитивной карты». Однако здесь Срничек (как и его соавтор) уже не ссылается на Джеймисона, предлагая собственную модель, которая ныне исключает эстетику и сосредоточивается на анализе «видимой» части экономики через агентное моделирование, анализ «больших данных» и другие современные инструменты¹². Все это необходимо левым акселерационистам, чтобы построить «предполагаемый образ будущей экономической системы».

Публикация манифеста в 2013 году дала новую жизнь ландовскому термину и породила широкую дискуссию. С основными материалами этой дискуссии можно ознакомиться во втором выпуске журнала «Логос» за 2018 год, который почти полностью посвящен акселерационизму, — в том числе с интервью самого Срничека. В этом тексте он практически отказывается от термина «акселерационизм», признавая его бесполезным, так как им теперь «обозначается что угодно для кого угодно»¹³. Вместе с тем он по-прежнему рассматривает этот проект в позитивном ключе, а идея, будто капитализм сам строит фундамент для выхода за собственные пределы, также остается ключевой для методо-

8. «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». С. 87.

9. Нойс Б. Дни минувшего будущего: состояние акселерационизма // Логос. 2018. Т. 28. № 2. С. 127.

10. Уильямс А., Шрничек Н. Указ. соч. С. 13–15.

11. Там же. С. 19.

12. Там же. С. 14.

13. «Термин „акселерационизм“ стал бесполезным». С. 88.

логии философа — анализ новейших технологий и последующие размышления об их будущем использовании на благо общества.

Этому во многом посвящена книга «Изобретая будущее: посткапитализм и мир без работы»¹⁴, написанная Срничком и Уильямсом через два года после публикации манифеста¹⁵. Важно, что формулировку «Изобретая будущее» Срничек и Уильямс позаимствовали у Марка Фишера, другого — относительно традиционного — британского левого мыслителя и сотрудника Ника Ланда¹⁶. Иными словами, теоретический фундамент Срничека — уже не Джеймисон, а британские интеллектуалы, левые и даже правые. Манифест не упоминается в этой работе, хотя книга и посвящена по большей части раскрытию и разработке тезисов из третьей части «манифеста о будущем». В «Изобретая будущее» авторы анализируют текущее состояние левой (антикапиталистической) и правой (капиталистической) политической активности, объясняя, почему левым пришла пора отказаться от старых методов. Сегодняшним радикалам следует оставить в прошлом марши, размахивание транспарантами на демонстрациях, создание автономных зон и «горизонтальных» организаций; пора приступить к попыткам достичь понимания ситуации, в которой правые, используя аналитические центры, стратегическое планирование, медиа и ученых, смогли представить в 1970-е годы неолиберализм как единственный и безальтернативный вариант возможного развития. Проанализировав текущее состояние технологий, общества и экономики, Срничек и Уильямс предлагают свою концепцию — посткапитализм.

Далее они рассматривают, каким образом квартет из автоматизации труда, сокращения рабочей недели, безусловного базового дохода и ослабления значимости рабочей этики, работая в синтезе, обеспечит всех не только свободным временем, но и высоким доходом. Если в манифесте авторы еще позволяли себе намеки на некоторую «революционность»: «И поэтому мы всячески при-

14. *Srnicek N., Williams A. Inventing the Future. Postcapitalism and a World without Work. L.: Verso, 2015.*

15. Стоит заметить, что в том же 2015 году вышла книга британского исследователя Пола Мейсона «Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему», в которой автор также рассматривает альтернативы капитализму, основанные на новейших технологиях. Подробнее о «борьбе» Срничека за термин см.: Павлов А. Постмодернистский ген: является ли посткапитализм постпостмодернизмом? // Логос. 2019. Т. 29. № 2. С. 1–22. Книга Мейсона переведена на русский: Мейсон П. Посткапитализм: путеводитель по нашему будущему. М.: Ad Marginem, 2015.

16. См.: Павлов А. Указ. соч.

ветствуем экспериментирование с различными типами тактики (даже с теми типами тактики, с которыми мы сами не согласны)¹⁷, то в «Посткапитализме» перехват дискурса рассматривается только как следствие грамшианской левой гегемонии. За это авторов неоднократно критиковали левые старой закалки, обвиняя их в ребрендинге социал-демократии и обновлении «звериного оскала» капитализма на милую улыбку. Это отчасти может быть вполне справедливым пунктом в нападках оппонентов на посткапитализм, ведь он не имеет экономической программы (ее лишь предстоит разработать). В то же время некоторые исследователи считают возможным вариант разворота от неолиберализма к демократическому капитализму¹⁸, который мог бы решить многие вопросы левых, такие как глубокое социальное неравенство, прекарный труд и др. После публикации работы «Изобретая будущее» Срничек окончательно отходит от акселерационистских установок, которые так или иначе подразумевали создание утопий и моделей будущего, и сосредоточивается на анализе актуального состояния экономики. Даже в своем эссе «Битва за рабочее время» 2018 года, которое целиком посвящено одной из ключевых для «Посткапитализма» тем, он рассматривает экономический эффект от сокращения рабочей недели, анализирует статистические данные и работу профсоюзов¹⁹.

Определив в книге «Посткапитализм» прогресс и развитие как следствие ответственной рефлексии и осознанного действия, указав на слабую теоретическую базу современных левых по многим вопросам, начиная с техники и заканчивая экономическими теориями, Срничек незамедлительно занялся разработкой этих пунктов. Результатом его исследований стала книга «Капитализм платформ». Эта небольшая работа, как я заметил выше, разительно отличается от предыдущих его текстов, причем в лучшую сторону. Можно сказать, что она стала символом второго этапа его карьеры как актуального социального теоретика. В данном случае емкое и глубокое исследование выглядит более выигрышным, чем концептуализация на тему будущего, основывающиеся на очень шатких декларациях.

17. Уильямс А., Шрничек Н. Манифест акселерационистской политики. С. 17.

18. Штрик Ф. Купленное время, отсроченный кризис демократического капитализма. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2019. С. 242–244.

19. См.: *Srniczek N. The Fight for Free Time // A Field Guide to the Future of Work / B. Deloit (ed.). L.: RSA, 2018. P. 17–21.*

Книга состоит из трех глав и вступления, в которых автор последовательно рассматривает феномен платформ: их генеалогию, внутривидовые различия и тенденции развития. Свое исследование Срничек обосновывает тем, что цифровая экономика на сегодняшний день — наиболее динамично развивающийся сектор, при этом имеющий важное значение в системном смысле, так как ее инфраструктура проникает во все точки современной экономической системы и становится не менее важна, чем сырьевое обеспечение или электричество. При этом нельзя не заметить, что образ цифровой экономики как чего-то умного, прорывного, бережливого, экологичного легитимирует капитализм в целом. Срничек разрушает этот образ, последовательно показывая нам, что за интерфейсами, во взаимодействии с которыми мы проводим огромную часть нашей жизни, скрываются огромные, стремящиеся к монополии корпорации, превращающие каждую минуту, проведенную нами на интернет-сайте, сервисе, — или же всякое движение мышкой — в биты данных. Эти биты бережно хранятся и анализируются, чтобы заставить нас проводить на интернет-страницах еще больше времени, еще сильнее увеличивая прибыль и капитализацию корпораций, будь то *Google*, *Facebook* или *Amazon*.

Проблема понимания изнанки технологий — одна из животрепещущих тем для современных социальных теоретиков. Так, британский исследователь городских пространств Адам Гринфилд (к слову, тоже левый) посвятил этой проблеме свою книгу «Радикальные технологии: устройство повседневной жизни». В тексте он подробно разобрал несколько высокотехнологичных систем, с которыми мы постоянно сталкиваемся в современном мире: смартфон, дополненная реальность, интернет вещей, автоматизация производства, машинное обучение и др.²⁰ Все эти системы так или иначе взаимодействуют с данными — либо анализируют их, либо собирают. Именно данные — то сырье, которое обеспечивает развитие и существование платформ. В признании их ценности и важности для высокотехнологичных систем сходятся оба автора. Однако если Гринфилда больше интересует социальный контекст, то Срничек концентрируется на экономическом аспекте проблемы.

Стоит уточнить, что именно понимает Ник Срничек под «платформами». Это цифровые инфраструктуры, которые позволяют

20. См.: Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. М.: Дело, 2018.

двум и более группам взаимодействовать. Это может быть как взаимодействие между пользователями непосредственно на территории платформы (социальные сети, поисковики), так и использование платформы как посредника (*Uber, AirBnB*). Сам феномен возникновения подобного бизнеса Срничек представляет как логическое следствие двух исторических предпосылок. Во-первых, это линия, берущая начало в массовом производстве, идущая сквозь кризис 1970-х годов с его атакой на профсоюзы и заканчивающаяся в сегодняшнем дне, когда мы наблюдаем такие явления, как прекарный труд, аутсорсинг, гибкая занятость и рост давления со стороны менеджмента. Во-вторых, это большие офшорные резервы крупных корпораций и поиск новых инвестиционных возможностей, ставшие результатом значительного снижения процентных ставок по вкладам. Таким образом, дешевый рабочий труд и большое количество наличности позволили капиталу переключиться с владения средствами производства на владение информацией.

Информация или данные — краеугольный камень платформенной экономики. Сама архитектура платформ строится ради извлечения данных, их хранения, обработки и анализа. Зачастую платформа специально проектируется под эти нужды. Так, внимательно посмотрев на то, как работает *Google*, невозможно не заметить, что это не просто интернет-компания, а глобальная «сеть» для сбора наших данных: множество сервисов, поисковик, собственная операционная система, голосовой помощник, социальная сеть, огромные дата-центры и невероятные вычислительные мощности, созданные для ежесекундной обработки огромного массива информации. Именно сетевой эффект, реализуемый с помощью перекрестного субсидирования, позволяет платформам охватывать как можно больше пользователей. Срничек выделяет пять типов платформ: рекламные (*Google, Facebook*), облачные (*Amazon*), промышленные (*GE*), продуктовые (*Spotify*), бережливые (*Uber*). Это разделение не обуславливает четкую оппозицию одних платформ другим: скорее, это способ монетизации, так как многие платформы могут охватывать сразу несколько типов получения прибыли. Все эти типы Срничек подробно рассматривает во второй главе своей книги. На мой взгляд, самым интересным из всех названных является пятый тип — бережливые платформы.

Бережливые платформы представляют собой наиболее аутентичную реализацию платформенного капитализма, так как имеют все присущие ему признаки и являются прямым следствием генеалогии, описанной выше. Но при этом они же и наиболее уяз-

вимы в долгосрочной перспективе. Эти компании (*Uber, AirBnB*) владеют лишь платформой, которая предоставляет пользователям возможность связаться с поставщиком определенной услуги, и систему анализа данных. Сама их природа монополистична: только контроль над большей частью рынка позволяет им развиваться и получать ренту. Благодаря системам анализа данных компании, занимающие большую часть рынка и, как следствие, получающие большую часть информации, могут развиваться и улучшать свой продукт быстрее, чем конкуренты, что дает им возможность расширяться еще дальше. Однако в этом же их ахиллесова пята, потому что все они стремятся первыми захватить рынок, не заботясь о текущих финансовых показателях. Их работоспособность целиком зависит от объема инвестиций, в которых на данный момент нет недостатка; однако в случае кризиса или других системных потрясений именно эти компании прекратят свою деятельность в первую очередь. Бережливые платформы также интересны с точки зрения социально-экономической теории. Во многом их работоспособность обеспечивается за счет высокого уровня безработицы и низких социальных и экономических гарантий для работников, которые либо являются просто подрядчиками, либо сами платят ренту за возможность получить от платформы клиента. В случае изменения трудового законодательства в пользу работников с неполной занятостью большинство этих платформ потеряет возможность демпинговать и, соответственно, конкурировать с классическими капиталистическими формами предоставления услуг.

Но Срничек предлагает любопытный анализ не одних лишь бережливых платформ. В третьей главе своей книги он рассматривает перспективы, представляющие перед платформами и, с другой стороны, открываемые ими для нас. Здесь в первую очередь интересно сравнение платформ и классических капиталистических компаний с точки зрения их возможной монополизации. Срничек пишет, что в самой ДНК платформ заложено стремление к монополии. Именно сбор и анализ данных как один из основных признаков толкает их к этому. Платформы стремятся замкнуть на себе как можно больше пользователей, что в дальнейшем лишь усиливает сетевой эффект. *Facebook*, например, предлагает своим клиентам полностью автономную структуру внутри классического интернета: здесь есть все (ну или почти все), что заставляет нас выходить в сеть. Эти массивы уже полученных и обработанных данных гарантируют платформам некоторую безопасность от резкого вторжения сторонних игроков — первоначального вложения

капитала становится недостаточно, чтобы отнять кусок у старых агентов капитализма.

Несмотря на то что это минимизирует вероятность крушения монополии под воздействием извне, подобная стратегия создает новый вид конкуренции уже внутри именно этой среды, в которой данные — наибольшая ценность, а доходы — прямое выражение эффективности работы с ними. Конкуренция за сбор данных между самими платформами — именно то, что в ближайшее время точно не позволит утвердиться одной из них в качестве монополии. Однако эта тенденция может привести к тому (на что уже указывают многие факторы), что платформы будут расширяться все больше и больше, переключатся на инфраструктуру (так, *Google* и *Facebook* всерьез рассматривают возможность покрыть бесплатным спутниковым интернетом всю Землю) и впоследствии разделят интернет на автономные фрагменты. В завершении книги Срничек предлагает создавать общественные платформы, принадлежащие пользователям, для противодействия монополизации. Это, пожалуй, единственное явное проявление в этой книге его прежнего левого настроя. Но оно настолько серое (или, если угодно, блеклое), что, если бы не его статья о политической эстетике, упомянутая мною в самом начале текста, я был бы уверен, что за идеологическую часть в тандеме Срничек/Уильямс отвечал исключительно Алекс Уильямс.

Куда двинется в своих поисках Ник Срничек теперь? На его личной странице на сайте Лондонского королевского колледжа указано, что на данный момент принята в печать его книга «После работы: борьба за свободное время» и готовится к публикации в 2020 году еще одна, под названием «Платформы и процесс накопления капитала»²¹. С момента издания «Капитализма платформ» в 2016 году Срничек написал несколько статей, раскрывающих и уточняющих тезисы, выдвинутые в книге. Таким образом, сегодня он целиком посвятил свою исследовательскую деятельность описанию проблем и феноменов, свойственных современному неолиберализму, и работе с ними. Заявив о себе в интеллектуальном поле как об инноваторе и футурологе, он переключился на планомерную аналитическую и описательную работу с действительностью, то есть на уже фактическое (а не деклара-

21. См.: Dr Nick Srnicek // King's College London. URL: [https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/persons/nick-srnicek\(448c0126-089e-4a48-88f1-742aecc6aba5\)/publications.html](https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/en/persons/nick-srnicek(448c0126-089e-4a48-88f1-742aecc6aba5)/publications.html).

тивное) создание своего варианта «когнитивной карты» социальной, исторической и экономической реальности.

Закладывает ли эта работа действительно крепкий фундамент для еще более отчаянного и смелого рывка Срничека в интеллектуальное будущее или свидетельствует об иссякшем энтузиазме молодого ученого, покажет время. Сейчас с уверенностью можно сказать одно: несмотря на очевидную концептуальную слабость своих футуристических идей (во многом из-за отсутствия опоры на всеобъемлющее джеймисоновское понимание настоящего), Срничек уже утвердил себя в качестве одного из наиболее интересных современных социальных теоретиков.

Эдуард Сафронов

*Старший лаборант сектора социальной философии
Института философии РАН*